
Арктика! Заповедник героев...

В романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) действие развивается на корабле британской экспедиции, плывущем к Северному полюсу. Капитан корабля Уолтон – романтик, учёный и поэт – надеется увидеть в Арктике не «обитель холода и смерти», а райский сад, «царство красоты и радости», где «солнце никогда не заходит; его диск, едва подымаясь над горизонтом, излучает вечное сияние». К полюсу влечёт его не только тяга к прекрасному, но и желание осчастливить человечество новыми знаниями, в первую очередь о мистическом явлении магнетизма, занимавшем умы учёных XIX столетия³²: *«Чего только нельзя ждать от страны вечного света! Там я смогу открыть секрет дивной силы, влекущей к себе магнитную стрелку; а также проверить множество астрономических наблюдений; одного такого путешествия довольно, чтобы их кажущиеся противоречия раз и навсегда получили разумное объяснение. <...> я окажу неоценимую услугу человечеству, если хотя бы проложу северный путь в те края, куда ныне нужно плыть долгие месяцы, или открою тайну магнита, — ведь если её вообще можно открыть, то лишь с помощью подобного путешествия».*

Уолтон надеется на успех, ибо если *«хоть несколько доверять бывальым мореходам — [в районе полюса — прим. авт.] кончается власть мороза и снега, и по волнам спокойного моря можно достичь страны, превосходящей красотой и чудесами все страны, донные открытые человеком».* Но его ждёт двойное разочарование – в Арктике он встречает лишь непроходимые льды. Кроме того, именно там, среди ледовых пространств, происходит последняя встреча учёного Франкенштейна и созданного им чудовища – убедитель-

³² Исследования земного магнетизма были основным содержанием научной программы британских арктических экспедиций XIX века.

ная демонстрация бессилия науки изменить человеческую жизнь к лучшему.

Неудивительно, что Мэри Шелли выбирает местом действия своего фантастического романа Арктику – она была столь же таинственна для её современников, как космос сегодня, а интерес к полярным путешествиям в английском обществе был столь же силён, как в XX веке – мечта о полётах на другие планеты. Эпоха великих географических открытий подходила к концу, и огромная неисследованная часть планеты была вызовом человеку нового времени.

Исторические обстоятельства помогли воплотить этот интерес в целый ряд полярных экспедиций. После победоносного завершения наполеоновских войн мощный британский флот оказался не у дел. Из 130 000 матросов к 1817 году в рядах флота осталось лишь 23 000 [198], многие офицеры были списаны на берег с половинным содержанием. Применение военного флота для решения исследовательских задач позволяло не только «исправить дефективную географию Арктики»³³, но и найти занятие безработным офицерам, а также использовать ставшие ненужными корабли.

Мэри Шелли пристально следила за дискуссией в английской прессе о важности исследования полярных областей, инициированной в 1817–1819 годы вторым секретарем Адмиралтейства Джоном Барроу. Девятнадцатилетняя писательница в своём видении Арктики оказалась точнее «бывалых мореходов», в том числе и руководителей Адмиралтейства, роман её не только читавших, но и вступивших с ней в полемику на страницах весьма популярного журнала *Quarterly Review* [258]. Барроу, как и Уолтон, надеялся найти за полосой льдов свой «райский сад» – открытое море, ведущее к полюсу.

Первоначальный план романа не предусматривал арктической части [258] – возможно, добавив её, писательница хотела провести параллель между британскими попытками проникнуть в неведомый мир льдов и созданием монстра Франкенштейном. Мэри Шелли и здесь оказалась пророчицей – экспедиция сэра Джона Франклина, задуманная Адмиралтейством как блестящее завершение многолетних усилий, вошла в историю как самая масштабная трагедия Арктики. Из 129 человек назад не вернулся никто, и только по страшным находкам, которые до сих пор порой попадают на острове Кинг-Уильям, удалось частично восстановить обстоятельства этой жуткой

³³ Слова Барроу. Нужно заметить, что на картах начала XIX века северную часть Америки покрывало почти сплошное белое пятно, тогда как северное побережье России было весьма подробно нанесено на карту ещё Великой Северной экспедицией.

драмы. Сейчас можно сказать, что причиной катастрофы стали слепая вера в технический прогресс, нежелание и неспособность британских моряков адаптироваться к условиям Арктики. Плавание Франклина и последовавшие за ним поиски убедительно показали неэффективность предприятий, организованных военно-морским ведомством в сравнении с экспедициями, снаряжёнными на частные средства (Мак-Клинтока, Рэ, Амундсена и других).

■ Барроу, Скорсби и теория открытого моря

И на американских, и на английских китобойных судах отлично известен тот факт, уже давно подтверждённый к тому же авторитетными высказываниями Скорсби, что в северных областях Тихого океана вылавливают иногда китов, в чьём теле обнаруживаются гарпуны, заброшенные у берегов Гренландии. При этом никак нельзя отрицать, что промежуток времени между запусками последнего и предпоследнего гарпунов иногда, безусловно, не превосходит нескольких дней.

На этом основании многие китоловы пришли к выводу, что знаменитый Северо-Западный проход, так долго недоступный человеку, для кита никогда не представлял трудностей.

Герман Мелвилл. «Моби Дик, или Белый Кит»

Ещё в 1744 году Парламент учредил премию в 20 000 фунтов владельцу британского судна, которое откроет Северо-Западный проход. Вторая награда в 5000 была учреждена тому, кто подойдёт к полюсу в пределах одного градуса. Суммы были значительными – покупательная способность фунта более чем в сто раз превышала сегодняшнюю. Однако никто из китобоев, регулярно посещавших Гренландское море и пролив Дэвиса, не прельстился наградой.³⁴ В 1773 году правительство организовало экспедицию под началом капитана Константина Фиппса в высокие широты. Это предприятие можно считать первой научной экспедицией в Арктику, она примечательна ещё и тем, что в ней участвовал пятнадцатилетний Горацио Нельсон, будущий адмирал и герой Трафальгара. Фиппс рассчитывал за полосой плавучих льдов найти открытое море, но надежды его не оправдались, экспедиция вернулась домой без новых открытий.

³⁴ В 1819 году постановлением Парламента условия награждения были изменены – чтобы стимулировать мореплавателей к географическим открытиям, премия была поделена на части, в соответствии с достигнутой широтой (за достижение полюса) или долгой (за Северо-Западный проход). Впрочем, у капитанов торговых и китобойных судов интереса к полярным областям это не прибавило. Любопытно, что никаких наград за Северо-Восточный проход установлено не было – видимо, это направление британцы считали бесперспективным [198] после гибели Уиллоуби (1554) и малоуспешной экспедиции Пета и Джекмена.

Сейчас нам кажется очевидно абсурдной идея открытого полярного моря, однако в XVIII–XIX веках у этой теории было немало приверженцев [296; 165]. Один из основных аргументов состоял в том, что на полюсе Солнце светит непрерывно в течение полугода, а значит, лучи его должны растопить лёд. Также считали, что приливные силы и волнение должны разрушать лёд вдали от берегов. Теорию открытого полярного моря в той или иной форме разделяли не только «диванные географы», такие как Август Петерманн и Джон Барроу (► рис. 2-1), но и многие авторитетные путешественники – например, Чарльз Холл и Илайша Кейн. Теория оказалась на редкость живучей – по мере развития науки она не умерла, а лишь видоизменялась. Вплоть до начала XX века у неё находились сторонники, полагавшие, что тёплые течения – Гольфстрим и Куросио – не дают сформироваться льдам в полярной области. Цена этого географического заблуждения для многих оказалась весьма высокой – например, для Владимира Русанова и Джорджа Де Лонга.

СЭР ДЖОН БАРРОУ (1764–1848), выходец из бедной семьи, за несколько лет сделал головокружительную карьеру – от учителя математики до ключевой фигуры Адмиралтейства. Пост второго секретаря он занимал рекордные сорок лет – с 1804-го по 1845-й³⁵. При этом сам он не был моряком, лишь раз в юности участвовал в китобойном плавании. Барроу по праву считают отцом британских арктических исследований. Продвигая свою позицию, Барроу заручился поддержкой сэра Джозефа Бэнкса, в прошлом натуралиста на корабле Кука, а в 1818 году – президента Королевского общества (аналога академии наук). Чтобы убедить общество в необходимости арктических исследований, Барроу написал более двух сотен статей в британской прессе и создал фундаментальный труд по истории Арктики. Инициированная Барроу амбициозная и дорогостоящая исследовательская программа по масштабу вполне сопоставима с космической программой СССР и лунной программой США. Также Барроу стал одним из основателей Королевского Географического общества.

Барроу вышел в отставку в возрасте 80 лет, незадолго до выхода в море экспедиции Джона Франклина – своего последнего детища. Он умер в возрасте 84 лет, так и не узнав об ужасной участи Франклина и его спутников. После его смерти арктическая программа Британии постепенно пришла в упадок.

В 1817 году Уильям Скорсби-младший, капитан китобойного судна и одновременно талантливый натуралист, совершил очередное плавание в Арктику. Результат этого плавания оказался неожиданным: *«В моём последнем путешествии я наблюдал, что около 18 000 квадратных миль поверхности Гренландского моря между 74° и 80° были совершенно свободны от льда, который исчез за два последних года»*.

³⁵ С перерывом в 1804–1806 годах.

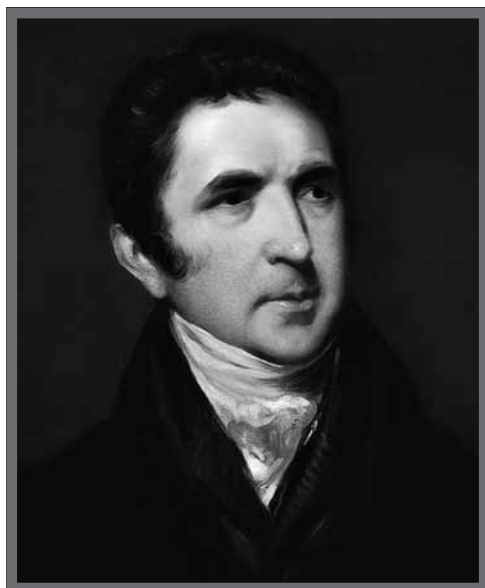

Рис. 2-1. Портрет Джона Барроу работы Джона Джексона (1778–1831).
Лондон, Национальная портретная галерея

Рис. 2-2. Карта Северо-Западного прохода

Для китобоев это было скорее неудачей – в северных морях им легче было находить китов у границы плавучих льдов.

Барроу, убеждённый сторонник теории открытого моря, воспринял свидетельство Скорсби как подтверждение своей правоты. Кроме того, Барроу сделал опрометчивый вывод о постепенном потеплении Арктики, и это стало дополнительным аргументом для отправки в 1818 году исследовательских экспедиций Королевского флота в Арктику. Однако то, что было принято за потепление, по-видимому, оказалось одним из кратковременных эффектов извержения вулкана Тамбора, в то время как в Европе случился «год без лета», в Гренландском море, напротив, было теплее обычного [149].

Продвигая свой план, Барроу умело манипулировал чувством патриотизма сограждан – в это время Россия стала проявлять активность в Арктике: *«Будет унижительно, если держава, лишь вчера ставшая морской, в XIX веке завершит дело, столь успешно начатое англичанами в XVI»*.

Обстоятельный труд Барроу по истории Арктики (1818) заканчивается описанием плаваний Коцебу.

Конечно, было бы естественно доверить руководство экспедицией Уильяму Скорсби, который сочетал в себе качества опытного полярного капитана и натуралиста. Но ему предложили лишь место ледового лоцмана, от которого он, естественно, отказался. Адмиралтейство стремилось устроить в первую очередь своих офицеров, подавляющее большинство которых на половинном окладе едва сводило концы с концами. Кроме того, Барроу рассматривал Скорсби как опасного конкурента, нежели как союзника, и последовательно выдавливал его из полярных исследований. Скорсби, в свою очередь, скептически относился к начинаниям Барроу. Он считал, что практической пользы от Северо-Западного прохода не будет, теорию открытого моря не воспринимал всерьёз, а для исследования Арктики предлагал нанимать служащих Компании Гудзонова Залива. Он же первым предложил использовать собачьи упряжки или сани под парусом для передвижения к полюсу [216].

■ Горы Крокера

Итак, в 1818 году на поиски Северо-Западного прохода (◀ рис. 2-2) были посланы сразу четыре британских корабля: экспедиция Дэвида Бучана на «Доротее» и «Тренте» отправилась в сторону Шпицбергена, в надежде найти кратчайший путь через полюс, а Джон Росс (▶ рис. 2-3) на «Изабелле» и «Александре» должен был пройти между Гренландией и Америкой, через залив, открытый в 1616 году Баффином, и в течение

Рис. 2-3. Портрет Джона Росса. Нарисован Уильямом Ромэйном Говеттом (1807–1848), моряком и художником (не столь редкое сочетание в Британии в XIX веке). На рисунке Росс греется у камина со стаканом грога. Автор шаржа не понаслышке знал о положении безработных моряков – сам он занимался исследованиями Австралии и оказался не у дел после возвращения в Англию в 1834 году

двух столетий никем не посещавшийся. Никто из капитанов четырёх кораблей³⁶ не имел представления о полярных льдах, кроме, может быть, Росса, некоторое время служившего в Белом море и на Балтике.

СЭР ДЖОН РОСС (1777–1856) поступил на службу в Королевский флот в возрасте девяти лет. Звание лейтенанта получил в 1805 году. К окончанию войны в 1816 году Россу было 39 лет, из которых 30 он провёл в морях и был ранен в сражениях не менее 13 раз. По всему, именно он должен был стать национальным героем и символом освоения Арктики. Однако этого не случилось, и он незаслуженно остался в тени. Возможно, виной тому был скверный характер Росса, его самоуверенность и неотёсанность. Его не любили подчинённые за грубость, у него возникали конфликты со своими офицерами, в том числе и с племянником Джеймсом Кларком Россом. Книгу, написанную им после второго путешествия, встретили холодно, а карты, на которых он стремился увековечить имена множества своих друзей и родственников, сочли малополезными. Барроу до конца жизни не изменил своего негативного к нему отношения, сложившегося после фиаско 1818 года, а успех второй экспедиции приписывал Россу-младшему, считая именно его настоящим руководителем. И хотя в глазах публики Росс был героем, морские офицеры были не слишком высокого мнения о его человеческих качествах. Коллеги обвиняли его в меркантильности, видя, как настойчиво он добивался возмещения затрат от правительства, и стремился извлечь максимальную прибыль из издания своей книги³⁷. Некоторые его наблюдения повергли в шок научное сообщество: так, Росс утверждал, что уровень моря к западу от Бутии на 13 футов выше, чем к востоку, или что солнечный свет отклоняет магнитную стрелку [162, р. 256]. Подобно многим современникам, Росс увлекался френологией. Его недоброжелатели рассказывали, что однажды Росс вывесил за борт голову умершего эскимоса, чтобы морские обитатели объели мягкие ткани – Росс хотел исследовать эскимосский череп. Команда судна после этого отказалась есть креветок [162, р. 251].

Если первое путешествие Росса можно считать неудачей, то второе было, безусловно, выдающимся – Росс перенёс четыре зимовки в Арктике подряд и сумел вывести большую часть своих людей из, казалось бы, безвыходного положения. Из трех смертей в экспедиции лишь одна была обусловлена условиями путешествия.

Именно Росс первым поднял тревогу в начале 1847 года, когда восемнадцать месяцев от Франклина не было вестей, хотя ни жена пропавшего, ни Адмиралтейство ещё не помышляли об отправке спасательных экспедиций. Если бы Адмиралтейство прислушалось к словам Росса, возможно, судьба экспедиции Франклина была бы иной. В 1850 году в возрасте 73 лет Росс сам присоединился к поискам [232], и опять за собственные средства.

Росс обследовал Баффинов залив и на несколько миль углубился в ворота Северо-Западного прохода – пролив Ланкастер. 31 августа, когда

³⁶ Вторым офицером в экспедиции Бучана и командиром «Трента» был Джон Франклин, «Александром» в экспедиции Росса командовал Уильям Парри.

³⁷ Исследователи и географы в XIX веке были «глазами» общества – именно они давали всем возможность увидеть неевропейский мир [167]. Поэтому книги их пользовались огромной популярностью, а продажа их сулила существенные прибыли авторам, позволяя обеспечить себя до конца жизни либо организовать ещё одну экспедицию. Росс постарался извлечь максимальную выгоду из своего путешествия – он не стал, как другие путешественники, продавать рассказ издательствам, он издал книгу сам и распространял её по подписке. Впрочем, многие его коллеги считали, что это не пристало офицеру Королевского флота.

туман вокруг корабля ненадолго разошёлся, Росс увидел горный хребет, преградивший путь, и даже нанёс его на карту под именем гор Крокера, в честь Джона Уилсона Крокера, секретаря Адмиралтейства. Сложно сказать, что именно увидел Джон Росс в проливе Ланкастер, возможно, это была одна из оптических иллюзий, которые порой случаются в Арктике. Опасаясь остаться на зиму в Арктике, Росс развернул корабли на восток и вернулся домой без новых открытий.

■ Три четверти пути

Товарищи по экспедиции были недовольны Джоном Россом, Барроу организовал настоящую травлю. Тем самым Барроу стремился вывести себя из-под удара – обе экспедиции, на которые возлагались большие надежды, провалились. По-видимому, ему это удалось – арктическая программа была продолжена. На следующий, 1819 год руководство экспедицией было поручено Уильяму Эдварду Парри (1790–1855) – в плавании Росса он командовал «Александром». Экспедиция Парри на кораблях «Гекла» и «Грайпер» оказалась весьма результативной, чему немало способствовали погодные условия. Он прошёл проливом Ланкастер прямо сквозь «горы Крокера» далеко на запад, в глубь Канадского архипелага, вплоть до острова Мелвилла, преодолев примерно три четверти Северо-Западного прохода. Здесь ему пришлось зазимовать, это была первая зимовка британских моряков в Арктике. Парри был образцовым командиром – он делал всё возможное, чтобы поддержать моральный дух команды. Задолго до челюскинцев британские моряки выпускали газету и ставили комедийные спектакли, в которых Парри выбирал себе далеко не выигрышные роли – он не боялся смеяться над собой. В зимней школе матросы учились грамоте, а чтобы уберечь товарищей от цинги, начальник экспедиции выращивал в зимнем саду зелень. Следующим летом он пытался пройти дальше на запад, но путь преградили многолетние льды, и Парри повернул назад. Осенью 1820 года он вернулся домой, потеряв лишь одного человека – экспедиции в тропические страны теряли от болезней несравненно больше. Ещё два плавания Парри (1821–1823 и 1824–1825) ничего не прибавили к результатам первой экспедиции, а в 1824 году он потерял корабль «Фьюри». В 1827 году он хотел достичь полюса, стартовав от Шпицбергена, но тоже безуспешно: его санная партия попала в «беличье колесо» – за ночь дрейф льдов уносил путешественников на юг примерно на то же расстояние, которое они покрывали за день. Тем не менее, они достигли $82^{\circ}45'N$, и этот рекорд продержался почти полвека (► рис. 3-2), а экспедиция 1819–1820 годов так и осталась самым успешным арктическим предприятием XIX столетия.